

Кузнечевский Владимир Дмитриевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований РИСИ.

Октябрьский переворот неправомерно заслонил Февральскую революцию 1917 г.¹

Сразу стоит сказать, что второй такой книги, где были бы столь подробно рассмотрены предпосылки и ход самой русской революции, ни в российской, ни в мировой историографии нет. И, наверное, долго ещё не будет.

Этот высокопрофессиональный, почти двухтысячестраничный труд опубликовал исследователь, более 40 лет занимающийся изучением истории России советского периода.

Профессор Савва Живанов хорошо знаком не только с материалом, с которым работал при написании рецензируемого двухтомника, но и лично знает едва ли не всех российских историков, занимающихся этой проблемой. Он один из немногих иностранных учёных является членом Научного совета по проблеме "История революций в России" Российской академии наук.

Кроме того, эту книгу написал человек, на глазах которого рождалась, росла и крепла, а через 45 лет после своего возникновения трагически распалась Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Профессор С. Живанов имел возможность наблюдать, как одновременно с СФРЮ распадалась и страна, изучению которой он посвятил всю свою профессиональную деятельность историка – Советский Союз.

Не знаю, эти ли обстоятельства послужили толчком к тому, что последние 15 лет этот сербский (югославский) учёный посвятил исследованию процесса распада Российской империи в начале XX столетия, или на то были другие причины, но профессиональная ориентация автора ощущается едва не на каждой странице рецензируемого труда.

Книга эта особенно ценна для российского читателя. За всё XX столетие и первое десятилетие века XXI о Февральской (русской) революции 1917 г. написан целый "эверест" книг и статей. И количество этих публикаций продолжает расти. Но никто ещё, ни в России, ни в мире, не дерзал в одном исследовании объять и обозреть эту гору информации. С. Живанов совершил этот научный подвиг, отдав ему 15 лет жизни.

* kuznechevskij@riss.ru

¹ Рецензия на книгу: *Živanov S. Pad Ruskog carstva* : 2 т. Beograd : Nolit, 2007. Т. I : Rusija u Prvom svetskom ratu. 717 s. Т. II : Februarska Revolucija. 630 s. (*Живанов С. Падение Российской империи* : в 2 т. Т. I : Россия в Первой мировой войне. 717 с. Т. II : Февральская революция. 630 с.).

Работа проведена огромная. Только перечень активных участников тех событий и исследователей проблемы занимает 27 страниц, а общее число имён только в первом томе зашкаливает за тысячу.

В методологическом плане автор двухтомника исходит из того, что русская революция 1917 г., которую "историки часто интерпретируют как две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая – на самом деле представляет собою единый революционный процесс" (т. I, с. 5). Автор, таким образом, с первых же страниц своего труда оспаривает традиционную точку зрения российских историков советского периода. И хотя, как пишет известный русский исследователь П. Мультиатули, сегодня эта мысль уже не нова ("в последнее время на эту тему написано немало работ как публицистического, так и научного характера, Февраль и Октябрь были звеньями одной цепи..."²), аргументация сербского историка заслуживает внимания.

Большой интерес вызывает сама постановка вопроса о роли Февральской революции. "Февральская революция, – пишет Живанов, – в плане заинтересованности историков (незаслуженно) осталась в тени Октябрьской революции" (т. I, с. 10).

В самом начале исследования автор говорит о связи между революцией и участием России в войне. "Падение царского режима, – пишет он, – и русская революция в целом неразрывно связаны с Первой мировой войной" (т. I, с. 5, 23). В связи с этим он солидаризируется с позицией абсолютного большинства исследователей, которые считают, что именно Первая мировая война "обострила многочисленные противоречия имперской России, вызвала к жизни новые разрушительные социальные тенденции и стала мощным акселератором Русской революции 1917 г. и падения царского режима" (т. I, с. 7).

В первом томе автор подробно, а бы даже сказал скрупулёзно, описывает предпосылки Февральской революции.

Подробно освещена политическая ситуация в российском обществе.

Перед читателем предстаёт картина экономического, социального, политического и идеологического развития страны. Описывается деятельность всех основных политических партий, главных действующих лиц политического спектакля, царский двор. Более 100 страниц посвящено деятельности масонов (т. I, с. 212–313).

Много внимания автор двухтомника уделяет экономическому положению империи, приводя большое количество конкретных сведений, свидетельствующих, по его мнению, о том, что в предреволюционные годы Россия стояла в стороне от столбовой дороги мирового прогрессивного цивилизационного развития.

Опираясь на работы русского (советского) статистика и экономиста С. Г. Струмилина (1877–1974), автор пишет, что в сельском хозяйстве предреволюционной России было занято три четверти населения и создавалось около 55 % национального дохода, что свидетельствует, по его мнению, о неразвитости этой сферы производства.

² См. *Мультиатули П. В.* Свидетельства о Христе до смерти... Екатеринбургские злодеяния 1918 года. Екатеринбург : Русский предприниматель, 2008.

В подтверждение этого вывода автор приводит оценки государственных российских учреждений 1910 г., в которых констатируется, что "с точки зрения продуктивности сельского хозяйства Россия, вопреки своим природным богатствам, далеко отстала от других стран" (т. I, с. 56).

А далее, отталкиваясь уже от этой констатации, С. Живанов переходит и к собственным выводам, объясняя причину такого отставания: "Земледельческая сфера была примитивной и экстенсивной. На пахотных землях в России вносилось удобрений в два раза меньше, чем в Австрии, в три раза меньше по сравнению с Францией, в десять раз меньше, нежели в Германии и в 25 раз меньше, чем в Бельгии. Орудия для обработки земли были примитивны, да и тех не хватало. В 1910 г. в Российской империи было 14,7 млн сельских хозяев, но только 12,3 млн из них имели землю для обработки. При этом эти хозяйства располагали 3 млн деревянных сох (в среднем, следовательно, каждое четвёртое хозяйство имело одну соху) и 540 тыс. железных плугов, из которых только 335 имели механическую тягу...

Рост сельскохозяйственной и животноводческой продукции отставал от демографического роста и не мог удовлетворить потребности населения, и ещё меньше был способен покрыть дефицит платёжного баланса с границей. Это выглядело парадоксально, но Россия, обладая огромными пространствами Русской низменности и сибирских просторов, не могла удовлетворить потребности русских крестьян в обрабатываемых землях".

И далее автор отмечает как безусловный минус то обстоятельство, что при острой нехватке земли для сельскохозяйственного использования Россия упорно не желала поступиться хотя бы малой частью огромных лесных массивов. Так, "в европейской части страны, — пишет он, — площадь под лесами была почти в два раза больше обрабатываемых земель, а в Сибири так и вообще — в три раза больше, а в Средней Азии — в четыре раза"³.

У этой проблемы, кстати, есть и аспект, имеющий политическое звучание. Как раз в период написания С. Живановым своего двухтомника в печати выступила экс-госсекретарь США Мадлен Олбрайт с публичным заявлением о том, что верхом несправедливости можно считать то обстоятельство, что Россия одна владеет огромными лесными массивами и что пора бы передать это богатство из национальной собственности в собственность мирового сообщества, так как русские леса выполняют функцию лёгких для всей Европы и Азии.

Большое внимание в книге уделено русской интеллигенции. Причины её оппозиционности царскому режиму автор видит в том, что "российская интеллигенция была европеизирована, а само российское общество

³ Нисколько не умаляя права автора иметь свою точку зрения на роль лесов в общей структуре землепользования, хотелось бы, вместе с тем, привести и другие соображения. К. Паустовский в 1948 г. в своей "Повести о лесах" писал: "Он (лес) хранит почвенную влагу, смягчает климат, останавливает сухие и жаркие ветры, преграждает своими зелёными плотинами путь сыпучим пескам — лазутчикам пустыни. Он является конденсатором влаги: росы, тумана, инея. Из лесных болот берут начало реки. И, наконец, грунтовые воды в лесах и вблизи лесов стоят гораздо выше, чем в безлесных зонах".

в социально-политическом плане отличалось фрагментарностью во взглядах различных слоёв населения" (т. I, с. 106).

В этом автор солидарен с великим русским мыслителем Николаем Данилевским, отметившим ещё в 1871 г. в своём знаменитом труде "Россия и Европа", что излюбленным занятием русской интеллигенции является "европейничанье", которое на самом-то деле – суть только симптом "болезни, которую можно назвать слабостью и немощью народного духа в высших образованных слоях русского общества".

Основной акцент в двухтомнике посвящён политическим процессам, протекавшим в российском обществе накануне Февральской революции. Этому посвящён весь второй том.

Из политических сил, которые привели страну к этой революции, С. Живанов выделяет три основных группы:

- консервативные монархические силы;
- революционные группировки;
- либеральные оппозиционные силы, которые действовали вкуче с армейской верхушкой и получали сильную поддержку посольств Англии и Франции.

Из этих трёх сил наиболее мощной, по мнению автора, была третья. Русский фабрикант и финансист П. П. Рябушинский (1871–1924), активно занимавшийся политической деятельностью, ещё в 1915 г. дал, как считает автор, самый точный прогноз будущих российских катастроф. Профессор Живанов приводит обширный пассаж из этих мемуаров.

Французский посол в России Морис Палеолог 2 июня 1915 г. записал в своём дневнике беседу, которую он имел с П. П. Рябушинским. "Дни царского правительства сочтены, – сказал тот французскому послу. – Оно полностью и бесповоротно утратило всякую силу. Единственное, что ещё удерживает его на плаву, так это царское самодержавие, основа, на которой построена Россия... Революция неизбежна, она ожидает только повод, чтобы вспыхнуть. Поводом может послужить военная неудача, народный голод, забастовка в Петрограде, восстание в Москве, скандал или драма при Дворе – всё едино. Но революция – это ещё не самое худшее из зол, которое угрожает России... Революция может быть великим благом для народа, если она, разрушив старое, сумеет построить новое... В отличие от Англии и Франции, где революции материализовали творческую потенцию народа, у нас революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс у нас составляет слабое меньшинство, он не имеет организационного и политического опыта и не связан с народом... Сигнал к революционным действиям дадут, вероятно, буржуазные слои и интеллигенция, кадеты – думая о том, что они тем спасают Россию, но от буржуазной революции мы немедленно перейдём к рабочей революции, а вслед за этим сразу же – к крестьянской революции. А вслед за этим начнётся ужасающая анархия, бескрайняя анархия, многодесятилетняя анархия... И мы снова увидим времена Пугачёва, а может быть и кое-что похуже" (т. II, с. 131–132).

Автор двухтомника отмечает: "Этот прогноз будущей русской революции до мельчайших деталей совпал позднее с действительностью. Никто другой даже близко не сумел предвидеть такой поворот событий.

Но в 1915 г. этот прогноз выглядел как "фантастическая футурология" (т. II, с. 131–132).

Остаётся добавить, что "основным виновником русской катастрофы 1917 г." (т. II, с. 133). С. Живанов считает лично Николая II, который в своей неуверенной политике не решился ни на введение диктатуры, к которой его склоняла часть монархического окружения, ни на примирение с обществом, к чему его подталкивали либералы, а двинулся "тупиковым путём, который вёл Россию в никуда" (т. II, с. 133, 445, 525).